

—

С тех пор как у Пань Сяочжуо появились эти тайные чувства, его эмоции всегда были ровными. В юности он считал, что ему очень повезло познакомиться с ним. Эти легкие, нежные удары сердца были похожи на маленькие нотки, отбиваемые мальчиком в его юности. Пань Сяочжуо всегда был в трезвом уме, без алчности, поэтому эти волнения и эмоции были мягкими и сдержанными.

Никогда прежде Пань Сяочжуо не позволял потоку эмоций так сильно захлестнуть себя, как сейчас. Волны бушевали, огромная волна разбилась о его грудь, сквозь тонкие кости, желая вырваться наружу и увлечь Пань Сяочжуо за собой.

«Ты только и умеешь, что глупо смотреть на меня?» — Ши Кай щелкнул пальцами перед лицом Пань Сяочжуо. «От жара поглупел и не узнаешь меня?»

Пань Сяочжуо на мгновение не смог контролировать свои эмоции, его дыхание участилось.

Ши Кай небрежно потрогал его лоб: «Правда поглупел?»

Только тогда Пань Сяочжуо тихо покачал головой. При каждом движении головой казалось, что внутри нее находится мутная вода, вызывающая головокружение.

«Вчера же все было хорошо?» — Ши Кай убрал руку и спросил его. «Замерз тогда?»

«Нет», — Пань Сяочжуо шмыгнул носом, стараясь говорить как можно нормальнее. «Вечером учился внизу без куртки».

«У вас в общежитии так холодно?» — спросил Ши Кай.

«Да, ночью холодно, для учебы нужно одеваться потеплее. В тот день я был только в пижаме», — Пань Сяочжуо честно отвечал на вопросы.

«Бедняга», — Ши Кай достал кашу из пакета. «Это лекарство раздражает желудок, съешь что-нибудь».

Пань Сяочжуо посмотрел, как Ши Кай открывает кашу, достает ложку, и спросил его: «Левой рукой сможешь есть?»

«Смогу», — сказал Пань Сяочжуо.

На самом деле он не был голоден, но сейчас Ши Кай поставил кашу на его колени, подложив под нее книгу, и Пань Сяочжуо послушно опустил голову и начал есть.

Ши Кай достал для него еще одну коробку булочек с грецким орехом и сказал: «Изначально в наборе было слоеное тесто с дурианом, но я попросил заменить на это. Не стоит есть слишком жирное, когда у тебя жар».

Пань Сяочжуо кивнул. Ши Кай разломил палочки для еды и положил их на коробку с булочками. Пань Сяочжуо отложил палочки, взял булочку с грецким орехом и съел ее. Откусив кусочек, он вспомнил и сказал: «...Спасибо, Кай Гэ».

«Не за что», — Ши Кай сидел рядом, наблюдая, как Пань Сяочжуо ест, и улыбнулся. «Я

заметил, ты...»

Пань Сяочжуо поднял глаза на него: «Что я?»

«Ты, похоже, такой послушный ребенок», — сказал Ши Кай. «Что скажут, то и делаешь, на вопросы отвечаешь хорошо, просят поесть — ешь. Обычно очень усердно учишься, не доставляешь хлопот семье».

Пань Сяочжуо еще не успокоился, а тут Ши Кай так на него смотрел и хвалил, что Пань Сяочжуо почувствовал себя неловко, «угу»кнул и сказал: «Нет, не совсем так».

Ши Кай сказал: «Ты в старшей школе таким не был, тогда ты был довольно упрямым».

Пань Сяочжуо доел булочку с грецким орехом и снова опустил голову, чтобы выпить кашу. Температура была в самый раз, теплая, но не обжигающая. Сяочжуо сказал: «М-м... Тогда я боялся людей, и был немного глупым».

Ши Кай сказал ему: «Не нужно бояться людей, никто никому ничего не сделает, каждый живет своей жизнью, другие не должны тебя волновать, и тебе не нужно обращать на других внимания».

Пань Сяочжуо поднял глаза на него, кивнул и сказал: «Хорошо».

В тот день Пань Сяочжуо съел половину порции каши с морепродуктами и две булочки с грецким орехом. Когда он закончил есть, Ши Кай убрал все и начал есть жареного гуся, молодую утку и говяжью грудинку.

Сидевший напротив старик рассмеялся и сказал: «Никогда не видел, чтобы так навещали больного: сначала дали ему кашу и булочки, а потом, когда он наелся, вы тут едите мясо. Вы что, больного дразните?»

Ши Кай, жуя, смеялся и говорил: «Разве не так надо навещать больного? Я ем, а он смотрит».

Пань Сяочжуо тоже рассмеялся, с трудом взял салфетку незанятой рукой и протянул ее Ши Каю, чтобы тот вытер руки.

«Хочешь?» — Ши Кай с улыбкой спросил Сяочжуо. «Откусишь?»

Пань Сяочжуо действительно не хотелось, ни капельки. Он с улыбкой помахал рукой.

«Вот видите, он не хочет», — Ши Кай даже повернулся к старику напротив и сказал: «У него нет аппетита».

Старик громко рассмеялся: «Ну, это понятно! Вы же дали ему целую тарелку каши и булочки, было бы странно, если бы у него еще был аппетит».

Вся комната залилась смехом. Пань Сяочжуо смеялся так, что его глаза за очками сузились, а Ши Кай, не боясь чужих взглядов, ел с большим аппетитом.

Пань Сяочжуо откинулся на спинку стула, рука, в которой была игла, была холодной и онемевшей, но он не чувствовал дискомфорта. Он прислонился там, повернув голову, чтобы посмотреть на Ши Кая, с легкой улыбкой, в его глазах было нежное, откровенное чувство.

Юноша пришел из мечты юности.

На следующий день Пань Сяочжуо снова пришел на капельницу. Изначально говорилось, что на следующий день нужно будет еще три, но после тех трех он уже поправился.

В телефоне Ши Кай спросил, как он себя чувствует.

Пань Сяочжуо ответил: [Уже хорошо.]

Ши Кай: [Ну и отлично, впредь одевайся теплее.]

Пань Сяочжуо: [Угу, угу.]

В течение следующего года Пань Сяочжуо часто вспоминал это утро, проведенное под капельницей. Вспоминал, как туманно открыл глаза и увидел Ши Кая, сидящего рядом, а также как Ши Кай улыбался и ел мясо. Он всегда был таким открытым и непринужденным в любой ситуации.

Пань Сяочжуо также всегда вспоминал тот миг сильного волнения, это чувство было незабываемым. словно ты шел один в кромешной тьме, а подняв голову, внезапно увидел яркую луну. Лунный свет нежно освещал его.

На четвертом курсе Пань Сяочжуо очень усердно учился. Занятий в университете было мало, он нашел постоянную подработку в репетиторском центре, преподавал математику школьникам, помимо этого были и прежние уроки репетиторства. Практически все остальное время он тратил на подготовку к поступлению в аспирантуру.

Этой зимой умерла бабушка Пань Сяочжуо.

Бабушка всегда была нездорова, постоянно принимала различные лекарства. В последние два года ее здоровье ухудшилось, и каждый раз, когда Пань Сяочжуо возвращался к тете, бабушка хватала его и долго разговаривала. Старые люди много о чем думают, и бабушка в последние два года всегда вспоминала Сяочжуо его отца.

Сяочжуо уже плохо помнил отца, ведь тогда он был еще совсем маленьким.

После смерти бабушки Пань Сяочжуо собрал свои вещи и переехал из дома тети. У него было немного вещей: книги после окончания старшей школы он продал, а одежду, которую можно было носить, постепенно забрал с собой, когда поступил в университет.

Тетя и дядя просили его вернуться жить к ним после окончания учебы, говоря, что это по-прежнему его дом. Пань Сяочжуо понимал, что это вежливые слова. У него не было причин возвращаться, и с момента окончания старшей школы он практически не жил у них.

Пань Сяочжуо поступил в аспирантуру по другой специальности - финансам. Тао Хуайнань тоже поступил в аспирантуру, и они часто вместе учились, ходили в библиотеку или кафе. Тао Хуайнань также очень усердно учился, поскольку он не видел, ему приходилось учиться на слух и на ощупь.

«Сяочжуо, я чувствую, что в моей голове столько всего, теперь голова прямо тяжелая», — Тао Хуайнань сонно сказал Пань Сяочжуо.

«Отдохни», — Пань Сяочжуо отложил ручку. «Пойдем, поедим что-нибудь?»

«Что бы поесть?» — Тао Хуайнань потирал виски. «У меня кружится голова, я в тумане, мой

мозг больше не вмещает информацию».

Тао Хуайнань мог учиться, полагаясь только на память, что действительно было очень утомительно для мозга. Пань Сяочжуо сказал: «Я угощу тебя раменом? Пастой? Жареной лапшой?»

«Ладно, рамен», — Тао Хуайнань теперь не был привередлив в еде, сразу согласился. «И купи мне еще жареную лепешку».

«Хорошо». Пань Сяочжуо сначала собрал свои вещи, а потом пошел помогать Тао Хуайнаню. Тао Хуайнань держал рюкзак, рюкзак был расстегнут, и он ждал, пока Пань Сяочжуо поможет ему его собрать.

«В прошлый раз мой брат не знаю, откуда купил телячьи ребрышки для Тан Гэ, такие вкусные. Я спрошу его, в следующий раз мы ходим поесть».

«Хорошо, я хочу мяса», — честно сказал Пань Сяочжуо. «Я бедный, я много дней вегетарианец, в следующий раз ты возьми меня поесть мяса».

«Хорошо, хорошо», — Тао Хуайнань постоянно кивал.

Не успели они выйти, как зазвонил телефон Тао Хуайнаня.

Тао Хуайнань ответил, и голос Цзи Наня закричал в трубку: «Сяо Хуайнань! Где ты?»

«Я в борьбе, усердно учусь», — сказал Тао Хуайнань.

Цзи Нань хихикнул: «Перестань быть таким позитивным, где ты? Нань Гэ заберет тебя, пойдем поужинаем вечером. Все вернулись, разве не нужно собраться?»

«Все вернулись?» — Тао Хуайнань подсознательно спросил. «Кто вернулся?»

«Только эти люди, кто еще может быть», — сказал Цзи Нань, а затем добавил: «Все вернулись, кроме Чи Гэ».

Тао Хуайнань «ахнул».

«Давай быстрее, пришли местоположение», — сказал Цзи Нань.

Тао Хуайнань спросил: «Где будем есть?»

Цзи Нань сказал: «Папино новое место».

Тао Хуайнань снова спросил: «Есть мясо?»

Цзи Нань чуть не рассмеялся: «Разве может не быть мяса? Мы что, все вегетарианцы? Что случилось, Сяо Хуайнань, у тебя что, проблемы с финансами? Даже мяса нет?»

Тао Хуайнань сказал: «Тогда приходи за мной, я с Сяочжуо, я пришлю тебе местоположение».

После того как звонок был закончен, Тао Хуайнань повернулся к Пань Сяочжуо: «Пойдем, Сяочжуо, пойдем есть мясо».

Пань Сяочжуо моргнул и спросил: «Цзи Нань?»

«Да, они все вернулись», — вздохнул Тао Хуайнань. «Они так рано ушли на каникулы».

Пань Сяочжуо через несколько секунд снова спросил: «Все вернулись?»

«Так говорят», — вздохнул Тао Хуайнань. «Кроме моего брата».

Пань Сяочжуо неожиданно не отказался, застегнул молнию на рюкзаке Тао Хуайнаня и сказал: «Тогда пойдём».

Это была первая встреча Пань Сяочжуо с Ши Каем за год.

Ши Кай был одет в черную короткую тонкую пуховую куртку, брюки-карго и баскетбольные кроссовки. Из всех людей в комнате Пань Сяочжуо сразу же увидел его. Когда Ши Кай увидел его, он слегка улыбнулся и кивнул ему подбородком, что считалось крутым, но небрежным приветствием.

Все эти люди, кроме Пань Сяочжуо, были из того класса, где учился Тао Хуайнань в первом году старшей школы. Пань Сяочжуо здесь был чужим. Но в последние два года старшей школы, из-за его хороших отношений с Тао Хуайнанем, он был с ними знаком, хоть и не очень близко.

Каждый раз, когда они собирались вместе, было очень шумно, особенно Цзи Нань и остальные, они бегали по всей комнате, как в старшей школе. Пань Сяочжуо сидел рядом с Тао Хуайнанем, он один накладывал еду для двоих, пока остальные пили и шумели, эти двое сидели и ели в свое удовольствие.

Еда в отеле отца Цзи Наня была бесподобной. Тарелка с креветками-шариками обошла весь стол, и то, что осталось, они съели вдвоем.

Тао Хуайнань наклонился к Сяочжуо и сказал: «Эти креветки-шарики очень вкусные».

Пань Сяочжуо согласно кивнул: «Вкусно».

Тао Хуайнань спросил: «Еще есть?»

Пань Сяочжуо: «Нет, у меня в тарелке остался один, хочешь?»

Тао Хуайнань сказал: «Ешь ты».

Не успел Тао Хуайнань сказать, чтобы принесли еще одну порцию, как вдруг они услышали, как кто-то рассмеялся позади них. Обе головы резко повернулись, один зрячий, другой незрячий тоже повернулся.

«Официант», — Ши Кай обернулся к двери и сказал. «Принесите еще две порции тех креветок-шариков, одну отдельно для них двоих».

Официант ответил и вышел. Ши Кай повернулся и небрежно постучал по спинкам их стульев, сказав: «Не притворяйтесь такими несчастными, просто говорите, что хотите съесть».

Тао Хуайнань с улыбкой сказал: «Спасибо, Кай Гэ».

Пань Сяочжуо ничего не сказал. Ши Кай, улыбаясь, посмотрел на него: «Ты не поблагодаришь?»

Он не заставлял Пань Сяочжуо благодарить, просто шутил. Сказав это, он повернулся и вернулся на свое место.

Тао Хуайнань так и не услышал ответа от Пань Сяочжуо, поэтому спросил его: «Сяочжуо, ты все еще их боишься?»

Пань Сяочжуо неуклюже ничего не сказал, спустя долгое время выдавив только «нет».

Все хорошо ели, но Цзи Нань, этот болтун, постоянно упоминал Чи Чэна.

Каждый раз, когда он упоминал Чи Чэна, Тао Хуайнань заметно замолкал. Позже Тао Хуайнань тоже попросил алкоголь и молча пил его.

Пань Сяочжуо почувствовал, что ему очень одиноко.

Пань Сяочжуо тоже попросил алкоголь и налил себе бокал. Он никогда не пил, сделал небольшой глоток, и это было очень невкусно.

«Чи Гэ, наверное, нашел себе девушку, и Кай-Кай, похоже, скоро тоже найдет. Эти постоянные звонки снаружи, кому он звонит?» — Цзи Нань раздраженно сказал это, когда Ши Кай снова вернулся откуда-то.

«Пей свое вино», — Ши Кай не обратил на него внимания.

«Скажи! Кому ты звонил?» — Цзи Нань приблизился, наклонив голову к телефону Ши Кая, и настойчиво хотел посмотреть.

«Уберись от меня, ты меня раздражаешь», — Ши Кай оттолкнул его рукой.

«Ого, не дает смотреть! У тебя кто-то есть!» Цзи Нань вскочил с криком: «Кай-Кай, с тобой что-то не так!»

Ши Кай засунул телефон в карман, и по его лицу ничего нельзя было понять, он оттолкнул Цзи Наня в сторону.

Пань Сяочжуо не смотрел в ту сторону, но комната была невелика, а голос Цзи Наня был громким, так что Пань Сяочжуо и Тао Хуайнань могли ясно слышать, о чем они говорят.

«Брат Кай тоже встречается», — Тао Хуайнань лежал на столе, его пальцы слегка постукивали по поверхности стола. «У всех будут девушки».

Пань Сяочжуо сделал маленький глоток вина, тоже лег и сказал: «М-м».

«Сяочжуо», — позвал его Тао Хуайнань.

Пань Сяочжуо ответил: «Я здесь».

«Скажи...» — Пустые глаза Тао Хуайнаня растерянно моргнули, и он тихо спросил: «Девушка, какая она?»

Цзи Нань несколько раз упоминал, что у Чи Чэна в Пекине есть девушка.

Тао Хуайнань снова спросил: «Она будет очень красивой, да?»

Пань Сяочжуо поднял лицо с руки, коротко взглянул в сторону Ши Кая и увидел этого красивого, улыбающегося парня. Пань Сяочжуо снова лег и, улыбаясь, кивнул: «Это точно».

Тао Хуайнань, казалось, уже был пьян, и тихо спросил: «Какой у нее характер, хороший ли?»

Пань Сяочжуо подумал и сказал: «Хороший? Думаю, хороший».

Через некоторое время Пань Сяочжуо вдруг добавил: «Даже если не очень, ничего страшного, главное, чтобы хорошо ладили».

Тао Хуайнань долго молчал, а потом сказал: «М-м, м-м».

Казалось, они разговаривали, но в то же время каждый говорил о своем.

Это был первый раз, когда Пань Сяочжуо пил алкоголь, он налил себе бокал красного вина и выпил его весь. В конце концов, в очках ему казалось, что он их не носит, перед глазами все плыло и расплывалось, ничего не было видно.

Ши Кай почти не пил. Вечером он несколько раз выходил звонить. Перед уходом Цзи Нань даже упрекнул его, сказав, что в следующий раз он должен наверстать упущенное, почему он стал таким скрытным.

Менеджер организовал несколько машин, чтобы всех развезти по домам. Ши Кай посадил этих двух маленьких пьяниц в машину. Тао Хуайнань был ближе, его отвезли первым. У входа в комплекс Ши Кай сказал водителю подождать его немного, а перед выходом из машины взглянул на спящего Пань Сяочжуо и попросил водителя не выключать двигатель и немного увеличить температуру кондиционера.

Водитель, мужчина лет тридцати, с улыбкой поддразнил его: «Братишка, какой ты внимательный. Любой девушке будет очень хорошо встречаться с тобой».

Ши Кай с улыбкой ответил: «Так и есть».

Тао Хуайнань был пьян и сидел, говоря о своем старшем брате. Ши Кай, которого тот называл Кай Гэ, был, конечно, надежным человеком. Он достал телефон и сразу же записал это. Тао Хуайнань не видел, ничего не знал, и честно говорил: «Я скучаю по нему каждый день».

Когда Ши Кай уладил дела с Тао Хуайнанем и спустился вниз, водитель, конечно, не заглушил двигатель, оставив кондиционер включенным. Ши Кай забрался в машину и сказал: «Спасибо, Гэ».

«Да ладно, ничего особенного», — ответил водитель.

Ши Кай обернулся, чтобы посмотреть на Пань Сяочжуо, и увидел, что тот спит, прислонившись лбом к стеклу. Тогда Ши Кай вышел с переднего сиденья, сел сзади и сказал водителю: «Поехали, Гэ».

В такую холодную зиму так прижиматься к стеклу машины, конечно, нельзя, может голова замерзнуть до боли, к тому же Пань Сяочжуо еще и выпил. Ши Кай вспомнил, как в прошлом году Пань Сяочжуо жалко сидел один в клинике под капельницей, протянул руку, схватил его за шею и выпрямил голову Пань Сяочжуо.

Машина уже тронулась. Пань Сяочжуо в полусне почувствовал, что его шатает. Когда Ши Кай

выпрямил его голову, он открыл глаза и посмотрел.

Открыв глаза, он снова увидел, как Ши Кай смотрит на него. Только его глаза не фокусировались, и он долго не мог сфокусировать взгляд на глазах Ши Кая.

Пань Сяочжуо на этот раз не смутился, а сразу же расхохотался.

«Почему ты снова здесь...» — Пань Сяочжуо с легкой безнадежностью покачал головой.
«Каждый раз, когда я открываю глаза... я всегда вижу тебя».

«Всего два раза», — с улыбкой сказал Ши Кай.

Пань Сяочжуо кивнул и сказал: «Достаточно».

Ши Кай спросил: «В твоём общежитии есть комендантский час, Чжуо?»

Пань Сяочжуо сказал: «Да, до одиннадцати».

Ши Кай взглянул на часы, десять тридцать. Водитель сказал: «Успеем».

Пань Сяочжуо сидел там, время от времени глядя на пейзаж за окном, а иногда на Ши Кая. Снаружи была холодная зимняя вьюга, в машине было тепло, и лицо Пань Сяочжуо немного горело. Это было как от кондиционера, так и от выпитого алкоголя.

Пань Сяочжуо, когда выпил, не буянил. В машине он просто смотрел то в окно, то на Ши Кая, больше не проронив ни слова. Ши Кай спрашивал, плохо ли ему, а он только качал головой. Если бы не покрасневшее лицо и немного блуждающий взгляд, нельзя было бы сказать, что он пил.

Ши Кай, опустив голову, небрежно смотрел в телефон. Несколько раз, когда Пань Сяочжуо пристально смотрел на него, Ши Кай поднимал глаза, а Пань Сяочжуо либо тупо отводил взгляд, либо улыбался ему.

Машина остановилась у ближайших к общежитию боковых ворот. Ши Кай вышел из машины вместе с Пань Сяочжуо. Водитель остался в машине ждать, пока Ши Кай проведет Пань Сяочжуо.

Пань Сяочжуо, сунув руки в карманы, шел позади Ши Кая. Ши Кай дважды ждал его, но когда он останавливался, Сяочжуо тоже останавливался. Позже Ши Кай понял, что Сяочжуо специально идет в его тени. Под уличным фонарем тень Сяочжуо была полностью покрыта тенью Ши Кая. Сяочжуо, казалось, находил это очень интересным, шаг за шагом следуя за Ши Каем, низко опустив голову, словно ребенок, играющий в «наступи на тень».

Ши Кай больше не ждал его, идя неторопливо, так что Сяочжуо мог наступать на каждый его шаг, окутываясь тенью Ши Кая.

Скоро закрытие общежития, в это время у здания общежития было немного людей, лишь несколько студентов, которые только что вернулись или спустились, чтобы купить воды.

«Сам сможешь подняться?» — спросил Ши Кай.

Пань Сяочжуо все еще смотрел на тень и ответил: «Смогу».

«Перестань играть, иди наверх». Ши Кай улыбнулся и сказал ему: «Я пошел».

«Угу», — Пань Сяочжуо кивнул. «Угу».

Будучи пьяным, он все равно медленно реагировал. Ши Кай сказал: «Заходи».

Пань Сяочжуо посмотрел на дверь общежития, затем поднял глаза на Ши Кая. Всю дорогу он почти не поднимал головы, все время играл с тенью. Сейчас он, казалось, только очнулся: Ши Кай уходит.

Ши Кай взглянул на телефон и с улыбкой сказал: «Сейчас десять пятьдесят четыре, у тебя есть шесть минут. На каком этаже твоя комната?»

Пань Сяочжуо честно ответил: «Комната на четвертом этаже, комендант на втором этаже. Если второй этаж закроют, то не подняться».

«Тогда почему ты не торопишься?» — сказал Ши Кай. «Иди скорее».

Пань Сяочжуо не ответил, лишь серьезно смотрел на Ши Кая.

Пьяный Сяочжуо не помнил, что нужно скрывать свои тайные чувства, и не обращал на это внимания. Возможно, он думал, что это происходит во сне.

В глазах Пань Сяочжуо было много невысказанных слов. Ши Кай сначала все еще улыбался, думая, что Сяочжуо пьян, но после нескольких секунд зрительного контакта Ши Кай постепенно перестал улыбаться, слегка приподняв бровь.

«Сяочжуо?» — позвал его Ши Кай.

Пань Сяочжуо не ответил, лишь вдруг протянул руку и приложил ее к лицу Ши Кая.

Ши Кай был крайне удивлен. Ладонь Сяочжуо была очень горячей, что создавало сильный контраст с температурой на лице в холодную зимнюю погоду.

Сяочжуо слегка наклонил голову, чуть приподнял подбородок и просто смотрел на человека перед собой. Его взгляд был мягким, и при неярком свете, сквозь очки, он казался нежным и понимающим.

«Ты...» — Сяочжуо так серьезно смотрел на Ши Кая, словно они были очень знакомы и близки много лет. «Ты должен найти хорошую работу».

Ши Кай почувствовал замешательство, опустил глаза на Сяочжуо, но не успел он заговорить, как Сяочжуо продолжил.

«Найди девушку, которую ты полюбишь... Живи хорошей жизнью», — Сяочжуо говорил медленно, искренне. «Я хочу, чтобы в твоей жизни были только радостные события, все шло гладко, и не было разочарований».

Ши Кай сквозь линзы очков увидел себя в глазах Пань Сяочжуо.

Пань Сяочжуо держал лицо Ши Кая, большим пальцем нежно погладил его по щеке, глядя в глаза Ши Кая, и сказал: «Когда ты улыбаешься... твои глаза всегда должны сиять».

Сказав это, он опустил руку, помахал Ши Каю и повернулся, чтобы подняться наверх.

Ши Кай произнес что-то, в его глазах был вопрос: «Кто я?»

Пань Сяочжуо повернулся и честно ответил: «Ши Кай».

«Кто такой Ши Кай?»

Пань Сяочжуо не ответил, лишь вдруг рассмеялся, смеялся искренне и открыто. Он похлопал себя по груди и само собой понимающим тоном сказал: «Ши Кай — это Ши Кай».

—

<http://bllate.org/book/12843/1131947>